

Научная статья
УДК 821.161.1, 821.163.1 + 94(47) + 281.9, 281.93
doi: 10.17223/15617793/475/20

Кийский крест: перспективы изучения

Галина Митрофановна Зеленская¹, Светлана Климентьевна Севастьянова^{2, 3}

¹ Музей «Новый Иерусалим», Истра, Россия

² Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

³ Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹ gali.zelenskaia@yandex.ru

^{2, 3} sevask@mail.ru

Аннотация. Предлагается комплексный метод изучения памятника, синтезирующий его иконографию, иеротопию, символику и семантику в контексте икононического творчества Святейшего Никона. Показано, что филологические и историко-церковные, источниковые и искусствоведческие, богословско-художественные и культурологические направления исследования Кийского реликвария тесно переплетаются с лингвистическими и иеротопическими подходами к его изучению, используют опыт графических стилистических приемов и отдельных видов реставрационных работ.

Ключевые слова: Патриарх Никон, Кийский крест, комплексный подход, мощи святых, нарративные источники о Кийском мощевике, иконография Кийского креста

Для цитирования: Зеленская Г.М., Севастьянова С.К. Кийский Крест: перспективы изучения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 164–175. doi: 10.17223/15617793/475/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/20

The Cross of Kiy: Prospects for exploring

Galina M. Zelenskaia¹, Svetlana K. Sevastyanova^{2, 3}

¹ New Jerusalem State Museum of History and Art, Istra, Russian Federation

² Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

³ Siberian Institute of Management – Branch of RANEPА, Novosibirsk, Russian Federation

¹ gali.zelenskaia@yandex.ru

^{2, 3} sevask@mail.ru

Abstract. The Cross of Kiy, commissioned by Patriarch Nikon in 1656, is a symbol of the continuity of the Orthodox tradition of historical Palestine. The Cross has been studied for nearly 365 years. The multifaceted spiritual significance and the palette of the iconographic program of Patriarch Nikon cannot be revealed by methods of one scientific direction. The aim of this article is to generalize the theoretical experience accumulated in the historiography of the Cross of Kiy and to outline promising directions for exploring the monument as part of a comprehensive study. The article shows that the philological, historical church, source, art history, theological, artistic, and cultural studies of the Kiy Reliquary are closely intertwined with linguistic and hierotopic approaches to its exploration, and use the experience of graphic stylistic techniques and certain types of restoration works. The problems of the philological study of the shrine are connected with the features of its iconography, the establishment of theological and artistic value, the reconstruction of its history and veneration. The authors list the tasks, whose solution will allow a comprehensive study of this unique monument of Russian Orthodoxy: (1) to identify, as completely as possible, the sources that contain descriptions of the Cross and the shrines nested in it and to publish all narratives from the sources with a real commentary; (2) to compile a consolidated catalog of images of the Cross and the relics, which will allow considering the Kiy Reliquary in the system of Patriarch Nikon's hierotopic oeuvre and in the context of ancient Russian written sources; (3) to identify saints whose physical remains are embedded in the cross tree; this actualizes the problem of the place and significance of the Cross of Kiy in Christian culture and world Orthodoxy; (4) to investigate the sources of the holy sites of the Cross in the context of the personal veneration of the saints by Patriarch Nikon and the implementation of his program of the distribution of Eastern Christian relics in central and northern Russia as part of church reforms. The authors see the promising directions of the study of the Cross of Kiy in the consistent solution of the listed tasks, which will allow giving an objective assessment of Patriarch Nikon's intentions about Russia in the Orthodox world, revealing new facets of his reform, filling in the gaps in his biography. An integrated approach to the study of the unique reliquary corresponds to the synthesis of iconography, symbolism and semantics in Nikon's hierotopic and architectural works. The patriarch saw Russia as an

organic and significant part of Ecumenical Orthodoxy and, with amazing spiritual depth, expressed his views in the Cross of Kiy, a great shrine of the Christian world.

Keywords: Patriarch Nikon, Cross of Kiy, integrated approach, relics of saints, narrative sources about Kiy relic, Cross of Kiy iconography

For citation: Zelenskaia, G.M. & Sevastyanova, S.K. (2022) The Cross of Kiy: Prospects for exploring. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 164–175. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/20

Введение. История изучения Кийского креста, изготовленного по благословию шестого Московского Патриарха Никона (1605–1681), насчитывает без малого 365 лет. 27 июля 1657 г., после совершения Божественной литургии в Успенском соборе Московского Кремля, Первосвятитель торжественно, крестным ходом проводил в дальний путь на Кий-остров уникальный Крест-реликварий [1. С. 273–274]. Годом раньше в Грамоте о Крестном монастыре он сам описал святыню¹: «Есть же той честный Животворащій Кр[е]сть, егоже мы нынѣ на Кій островъ послахомъ, привезень ѿ Палестины, сотворень ѿ честнаго древа кипарисса широтою и высокою таково, яковъ же самый Животворащій Кр[е]сть, на немъ же изволи Хр[и]стосъ Богъ нашъ волею нашею ради спасенїа распатиса, въ немъ же водружена есть часть самаго того Животворащаго Кр[е]ста и ѿ с[вя]тыхъ мощей многихъ с[вя]тителей и м[у]ч[е]н[и]квѣ и прочихъ. Да будетъ честный той Животворащій Кр[е]сть, заступаа и спасаа коегождо // притекающаго к нему по требованїю егво и оумному намѣренїю» [2. Л. 7–8].

В 1680-х гг. ученик и биограф Патриарха Никона Иоанн Шушерин упомянул о Кийской святыне как одном из значимых деяний Первосвятителя: «Самъ же Святѣйшїй Патріархъ въ той монастырь Крестный въ царствующемъ градѣ Москвѣ повелѣ содѣлати крестъ изъ древа кипариснаго въ высоту и въ ширину во всемъ подобенъ мѣрою кресту Христову, и украси той честный крестъ сребромъ и златомъ и драгоценнымъ каменїемъ и жемчугомъ и положи въ немъ мощей до трехъ сотъ.

Такожде и святые иконы со всякимъ благолѣпнымъ и чуднымъ художествомъ и украшенїемъ написавъ при томъ честномъ крестѣ, отпусти купно в той Крестный монастырь, съ подобающею честїю и благолѣпнымъ Соборнымъ провозженїемъ; провоздаше бо онъ самъ той честный крестъ со всемъ освященнымъ соборомъ изъ соборныя церкви за Срѣтенскїя ворота до мѣста, нарицаемаго Филипповъ крестъ, и оттолѣ пришедъ въ Соборную Апостольскую церковь и сотворивъ молебное пѣнїе» [3. С. 29].

Значение Грамоты как исторического источника трудно переоценить; не менее значима и вкладная надпись, выгравированная на двух серебряных вызолоченных пластинах под нижней перекладиной креста. Она неоднократно издавалась, но ввиду ошибок в прочтении текста, кочующих из публикации в публикацию, считаем необходимым привести ее полностью по оригиналу, изученному нами *de visu*: «При державѣ благовѣрнаго и христоролюбиваго великаго государя царя и великаго князя Алексїя Михайловича Всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россїи самодержца и

многихъ государствъ государя и обладателя, и при благовѣрной и христоролюбивой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марїи Илиичнѣ, и при сынѣ ихъ при благовѣрномъ и христоролюбивомъ государѣ царевичѣ и великомъ князѣ Алексїе Алексїевичѣ // сотворень сїй великий Крестъ Божию милостию Никономъ, архиепископомъ царствующаго великаго града Москвы и всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россїи Патриархомъ, от честнаго древа кипариса. И украсиль сребромъ и златомъ въ похвалу и поклонанїе христоролюбцемъ.

Христе Боже, помилуй и спаси душу мою, силою Честнаго и Животворящаго Твоего Креста и святыхъ ради молитвъ, ихъ же мощи водружены въ сѣмъ Крестѣ лѣта от воплощенїа Слова Божїа 1656-го, а от созданїа мира 7164-го августа в 1 день».

В настоящее время Кийский Крест, находящийся в московском храме прп.² Сергия Радонежского в Крапивниках, доступен для обозрения, почитания и исследования. Такой уникальной ситуации, когда до наших дней сохранился оригинал и корпус культурных текстов о нем, удостоились немногие памятники православного искусства XVII в. Сам Крест и посвященные ему источники неоднократно привлекали внимание исследователей, но это были точечные изучения отдельных аспектов истории создания, бытования и почитания святыни. Тем не менее наблюдения и выводы ученых разных областей гуманитарного знания привнесли много нового для понимания реализованных в Кийском реликварии замыслов Патриарха Никона о Россїи как части Вселенского православия: идентифицирован ряд святых, чьи частицы мощей вложены в крестное древо, по документам монастырских архивов реконструирована история передвижения и почитания святыни, введены в научный оборот отдельные письменные источники, в которых упоминается о Кийском кресте. Однако сделанные исследователями наблюдения не дают цельного представления о памятнике как зримом воплощенїи комплекса идей Первосвятителя, положенных в основу его реформаторской деятельности. Поэтому предшествующий теоретический опыт требует объективной оценки, интегрального осмысленїа и обобщенїа.

Актуальность исследования обусловлена потребностями развития современного гуманитарного знания в направлении междисциплинарных исследований.

В работе используются общенаучные и специальные методы исследования, применяемые в исторических, филологических и искусствоведческих науках – нарративный, сравнительный, типологический, структурный, системный, текстологический, семиотический, а также иконоический и иеротопический подхо-

ды, позволяющие объемно и объективно представить результаты исследования.

Цель статьи – на основе полученных в XVII–XIX вв. и отраженных в историографии Кийского креста данных наметить перспективные направления изучения памятника в рамках комплексного исследования.

Задачи: кратко охарактеризовать работы о Кийском Кресте, давшие толчок к всестороннему изучению реликвария; наметить перспективные направления комплексного исследования святыни; привести примеры, доказывающие успешность выбранного подхода; сделать выводы.

Структура статьи соответствует поставленным цели и задачам.

Краткий библиографический обзор темы Кийского креста. Обстоятельства основания Патриархом Никоном на Белом море монастыря Ставрос, куда впоследствии был привезен Кийский крест, изложены самим Первосвятителем в Грамоте о Крестном монастыре. «В мимошедшемъ 147(1639)-мъ году мы, будуще іеромонахомъ, творихом шествіе по морю из скита Анзерскагѡ, и во время то ѿ великагѡ морскагѡ волненія едва // непотопихомса; но, оуповающе на силу Б[о]ж[е]ственнагѡ Животворащагѡ Кр[е]ста, сп[а]сеніе получихомъ пред онѣжскимъ оустіемъ, къ пристанищу к Кію острову, и славу воздахомъ Распеншемуса на Кр[е]стѣ Г[о]с[по]ду нашему Ии[с]у[с]у Хр[и]сту ѡ ономъ избавленіи. Будуще же тогда на том островѣ, на воспоминаніе тогѡ своегѡ сп[а]с[е]ніа водрузихомъ на томъ мѣстѣ С[вя]тый и Животворащій Кр[е]стъ» [2. Л. 3–4].

В 1652 г., будучи митрополитом Новгородским, Никон отправляется на Соловки за мощами свт. Филиппа и на обратном пути посещает Кий-остров. По возвращении он решает исполнить обет и уже в качестве Патриарха Московского обращается к царю Алексею Михайловичу за разрешением «на томъ мѣстѣ поставить церковь и монастырекъ соградить, Гречески Ставросъ, а Руски Крестный, во имя честнаго и животворящаго Креста и святаго Священномученика Чюдотворца Филиппа Митрополита» [4. С. 245; 5. С. 23–25].

История передвижений Кийского креста в XVIII–XIX вв. изложена в литературе достаточно подробно. По инициативе и при деятельном участии Патриарха Никона в период его пребывания в Онежском монастыре в 1660–1661 гг. был сооружен Крестовоздвиженский собор. В нем Крест находился до середины XIX в., когда из-за угрозы нападения англичан его на время вывезли из обители. При транспортировке мощи были частично утрачены.

Осмысление Креста как уникального памятника русской духовной культуры началось уже тогда. Современники высоко ценили и почитали главную святыню Кийского монастыря, содержащую частицы мощей вселенских святых и русских подвижников. В последней четверти XVII в. была создана живописная композиция «Поклонение Кийскому Кресту», ставшая иконографическим изводом, получившим широкое распространение в России [6, 7].

В дореволюционной литературе при характеристике святыни особое внимание уделялось перечню частиц мощей святых, вложенных в крестное древо. Благодаря этому мы можем судить о несохранившихся деталях: ковчезцах на вертикальной оси Креста, нескольких иконках с гравированными изображениями, а также пластинах с надписями над звездами-мощевиками [8. С. 5–7].

После закрытия Кийского монастыря в 1920-х гг. Крест-реликварий был перевезен на Соловки и хранится в антирелигиозном музее Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения, располагавшемся в Благовещенской церкви. В Онежском монастыре осталась копия Животворящего Креста Господня, которая, как и подлинник, после закрытия обители сменила не одно место нахождения, пока в 2010 г. не обрела постоянное пребывание в возрожденном Свято-Троицком соборе города Онега. Когда в 1930-х гг. музей на Соловках закрыли, Крест перевезли в Москву, в филиал Государственного исторического музея в Новодевичьем монастыре. Здесь святыня никогда не выставлялась и находилась в запасниках до 1991 г., когда была передана в Московскую церковь прп. Сергия Радонежского в Крапивниках и установлена перед иконостасом в северной части храма. Освящение главного придела храма было совершено Патриархом Алексием II 30 августа 1991 г., в день памяти Святейшего Патриарха Никона, спустя 310 лет со дня его кончины. С тех пор начался новый этап изучения Кийского креста.

М.В. Осипенко (в монашестве – Никона) подготовила церковно-историческое издание о Кийском кресте, включившее определение богослужебных текстов, находившихся в виде надписей на первоначальном деревянном киоте Креста и на изображениях предстоящих, которые не сохранились, но известны по иконам «Поклонение Кийскому Кресту» и письменным источникам. Был составлен сопровождающий новую схему Креста перечень реликвий – с указаниями утрат и с расширенной идентификацией 94 святых, представленных на серебряных образках [9].

В исследованиях о строительной деятельности Патриарха Никона и архитектурных особенностях Крестного монастыря Кийский мощевик рассматривался как семантическая часть зодческого творчества Патриарха Никона, имеющая образно-символическую связь с историческим Вселенским православием и образами Горнего Иерусалима [10–12].

В 2000-х гг. изучение Креста продолжили искусствоведы. С.В. Гнутова и К.А. Щедрина издали научное описание святыни, показав ее значение в преображении сакрального пространства Кий-острова [13–15]. Г.М. Зеленская проследила связь лицевых изображений Креста с образом годовой Минеи и с интерпретацией Воскресенского собора в Новом Иерусалиме как храма Всех Святых с приделами по числу дней в году. Сопоставление святынь Кийского креста с перечнем частиц мощей и паломнических евлогий, хранящихся в Воскресенском монастыре согласно Описи 1679 г. (ГБУК МО «Музей “Новый Иерусалим”». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Л. 36–37 об.), позволило исследо-

вателю сделать вывод об идентичности большинства из них [16. С. 39–44].

В середине 2010-х гг. внимание к святыне вновь привлекли сотрудники церкви прп. Сергия в Крапивниках, включив в орбиту своих исследований ее историю и реликвии (<http://krapivniki.ru/relics/holy-cross>). К этому времени Крест был перемещен в центр храма и водружен на символическую Голгофу из камней, привезенных с особо чтимых святых мест России. Историю Кийского реликвария и научные исследования о нем обобщила статья Т.М. Кольцовой [17. С. 424–428]. Кроме того, исследователь перечислила ряд исторических источников о Кийском кресте и рукописных материалов, где есть перечень мощей, – в частности, описи Крестного монастыря XVII–XIX вв. из центральных и областных архивов, привлекавшие исследователей только как документы, а потому недостаточно изученные с точки зрения их сведений о святынях.

В работах о Кийском кресте последнего десятилетия особняком стоят филологические исследования С.К. Севастьяновой, в которых вводятся в научный оборот и исследуются нарративные материалы о святыне Крестного монастыря. Ее первая статья посвящена источникам Грамоты Патриарха Никона и особенностям их введения в текстовое и содержательное пространство окружного послания [18].

Тексты служб Кресту и святоотеческих поучений на праздники Животворящего Креста Господня обнаружили сходство с фрагментами из сочинений святых отцов, изданных московской, киевской и «литовской» печатью. Благодаря авторитетным христианским источникам Грамота о Крестном монастыре получила признание и в старообрядческой среде, где, как известно по рукописи первой четверти XVIII в., из окружного послания Патриарха Никона были сделаны выписки о Кресте и его свойствах. Этот новонайденный текст изучен и введен в научный оборот в специальной статье [19]. По заключению С.К. Севастьяновой, святоотеческие тексты объединяли в сакральном поле Грамоты непримиримых полемистов по обрядово-догматическим вопросам и доказывали святость Кийского креста, символическая близость к первообразу которого сделала его одной из самых почитаемых святынь православия.

Большой интерес представляют впервые опубликованные С.К. Севастьяновой тексты Сказаний о Кийском Кресте по спискам конца XVII – середины XVIII в. [20] и отмеченная Г.М. Зеленской в надписях на иконах и первоначальном киоте Креста такая художественная особенность, как спорадическая рифма [21].

Широкий тематический диапазон в истории создания и бытования Кийского креста доказывает актуальность искусствоведческих и исторических, историко-церковных и филологических исследований связанных со святыней источников, а также необходимость продолжения работы с уже введенными в научный оборот материалами. Однако каждая из перечисленных работ рассматривает «свой» узкий аспект в истории создания, бытования и почитания Кийской святыни и не дает цельного представления о ней как

памятнике русской церковной культуры, в наиболее ярком и зримом образе воплотившем идею Патриарха Никона о насаждении святынь мирового православия внутри страны. На наш взгляд, назрела необходимость комплексного изучения Кийского мощевика, результатом которого должно стать глубокое и всестороннее осмысление духовных значений реликвии в контексте православной культуры в целом и церковно-реформаторской деятельности Патриарха Никона в частности.

Предлагаемые подходы и направления в изучении Кийского креста. В настоящее время целесообразно обозначить перспективы дальнейшего изучения Кийского креста. Они видятся, прежде всего, в необходимости выявления и исследования всех нарративных материалов, содержащих упоминания о Кресте и вложенных в него святынях. Определение источников Грамоты, Сказаний и надписей Креста по изданиям времени Патриарха Никона, анализ художественных особенностей этих памятников следует продолжить. Кроме того, необходимо обратиться к корпусу рукописных материалов, где есть перечень мощей, вложенных в Крест, и опубликовать их хотя бы в электронном виде. Это относится и к Описи Крестного монастыря 1825 г. [22], которую желательно переиздать с необходимыми исправлениями. Все вновь вводимые в научный оборот нарративы должны быть снабжены реальным комментарием.

Следующий важный аспект исследования Кийского креста связан со всесторонним осмыслением святыни в контексте иконического творчества Патриарха Никона. По словам протоиерея Льва Лебедева, строительство Крестного монастыря было звеном единой цепи в замысле Первосвященника о создании на русской земле образа Царствия Небесного [23. С. 156–157]. Последние исследования свидетельствуют, что во всех патриарших монастырях – Иверском на Валдае, Крестном на Кий-острове и Воскресенском Ново-Иерусалимском под Москвой – это достигалось синтезом святынь и паломнических евлогий с ландшафтными, архитектурными, изобразительными и вербальными образами Святой земли, Константинополя, Афона и Древней Руси [24]. Подобная интеграция присуща и Кийскому кресту – полисемантической пространственной иконе, отражающей единство Церкви земной и Церкви Небесной. Изучение смысловых граней этого уникального богословско-художественного произведения требует досконального знания древнерусских письменных источников, содержащих сведения о святых и святынях, с ними связанных.

Первая попытка работы с нарративными материалами по выявлению информации о наличии в царских и патриарших ризницах частиц мощей святых и путях их приобретения, а также соотнесения полученных сведений с содержанием Кийского креста предпринята С.К. Севастьяновой в обширной публикации на данную тему [25]. Хронологически материал был ограничен концом XV в., однако работа продолжается с включением в нее не только литературных, но и архивных документов.

Особенности состава реликвий и порядка размещения частиц мощей, характерные для текстов Сказаний, актуализируют проблему идентификации святых. Сказания сохранились в двух вариантах – «О мощах» и «О Кресте». Оба содержат перечень святынь, не совпадающих количественно: в одном частиц 94, в другом – 93. В современном описании Креста на сайте храма прп. Сергия Радонежского их 101 (4 иконки утрачены). В списках Сказаний при перечислении святынь есть особенности. В тексте «О мощах» их последовательность совпадает в двух списках, а в третьем св. Алексей, человек Божий, назван дважды; в других копиях на втором месте значится «часть святого Алексея митрополита Московскаго». Еще одна черта – именованья святых по месту их служения, что не всегда совпадает по спискам. Так, свт. Василий Великий иногда назван Кесарийским без уточнения: Каппадокийский, а свт. Спиридон – Амафусийским, а не Тримифунтским, что неверно.

Списки Сказания «О Кресте» различаются в порядке перечисления святых, что можно объяснить направлениями «считывания» их с иконок. В сравнении друг с другом перечни имеют утраты и замены. Так, в одном списке нет вмч. Меркурия Кесарийского, сщмч. Киприана, еп. Карфагенского, прп. Пимена Великого и прав. Иакова Боровичского, зато есть четыре имени, отсутствующие в других рукописях Сказаний «О мощах» и «О Кресте». Это свщмч. Антипа, еп. Пергамский («Пергамасийский»); сщмч. Анфим Никомидийский, еп.; апостолы от семидесяти – евангелист Лука и Тимофей, еп. Ефесский. В повествовании «О Кресте» нет вмч. Георгия Победоносца и мч., бесср. Кира Александрийского, однако добавлено имя прп. «отца Сидора» – видимо, прп. Исидора Пелусиотского, отсутствующее в списках Сказания «О мощах».

Очевидно, что не только для уточнения количественного состава святынь Кийского креста, но и для идентификации одноименных святых необходимо привлекать агиографические материалы и богослужебные тексты, а также документальные свидетельства о реликвиях в царской и патриаршей ризницах – важных источниках для истории происхождения святынь Кийского креста. Надежным свидетельством являются надписи на реликвариях Московского Кремля, четко обозначающие чин святости того или иного угодника Божия.

Детальное изучение иконографии образов и перечня частиц мощей в Кийском кресте уже внесло ряд изменений в их идентификацию. Так, в схеме реликвария на сайте храма прп. Сергия Радонежского в Крапивниках указана под № 97 утраченная иконка, которой в списке соответствует надпись «Святая благоверная великая княгиня – инокиня Анна Кашинская», а в списке, помещенном в самой церкви, – «Св. Анна». Поскольку образок отсутствует, мы обратились к изобразительным аналогам и письменным источникам.

Сказания «О Кресте» в сборниках конца XVII и начала XVIII в., а также Опись Крестного монастыря 1825 г. [22. С. 96] называют в перечне мощей «Часть

святыя Анны». Однако в Сказании «О мощах» середины XVIII в. значится «Часть святыя Анны, матере пресвятыя Богородицы» [20. С. 59]. Эта конкретизация заслуживает доверия. В Благовещенском соборе Московского Кремля хранится с начала XVII в. [26. С. 21] изготовленная в 1603 г. серебряная вызолоченная рака-мощевик с чеканным изображением на верхней доске образов св. Анны, матери Пресвятой Богородицы, и вмч. Варвары [27. С. 311–313. Кат. № 111]. В Кийском реликварии тоже находится частица мощей вмч. Варвары. Вероятно, обе святыни происходят из «царского храма».

Еще одна спорная идентификация обусловлена прочтением подписи «агѣ^с еѵѳері епіску^п» на иконке святого, обозначенного на схеме под № 20 как «Священномученик Еферий, епископ Херсонесский». Учитывая все надстрочные знаки, мы склонны считать, что имя святого здесь должно быть прочитано как Елевферий. Кроме того, списки Сказаний о Кийском Кресте называют на данном месте «часть святого епископа Елевферия» [20. С. 56, 58, 60]. Елевферий Иллирийский, Римский (память 15 декабря по ст. ст. здесь и далее), изображен в изводе, имеющем аналоги в восточно-христианском и русском искусстве XII–XVII вв. Житие сщмч. Елевферия входит в Великие Минеи-Четьи митр. Макария [28. Декабрь. Стб. 1004–1005]. Частица мощей святителя происходит, по видимому, из раки 1603–1604 гг. Благовещенского собора Кремля, в которой хранятся также мощи свт. Иоанна Милостивого и прп. Феодосии девы [29. С. 278], чьи частицы тоже вложены в Кийский крест.

Более сложную проблему представляет идентификация одноименных угодников Божиих, поминаемых Церковью в разные дни. Так, св. Анастасий, чьи мощи значатся во всех письменных источниках о Кийском кресте как «часть святого мученика Анастасия», назван в списке церкви прп. Сергия в Крапивниках (№ 9) мч. Анастасием Аквилейским, Салонским († ок. 304), память которого совершается 25 октября.

Обратимся к агиографии и иконографии. Мученик Анастасий Аквилейский родился в городе Аквилее в северной Италии. О его земном пути известно мало. Краткое сказание о святом, бытовавшее в стихном Прологе и вошедшее в Великие Минеи-Четьи митр. Макария [28. Октябрь. Стб. 1870], а также в первый русский печатный Пролог [30. Л. 247–247 об.], рассказывают о том, что во время гонений на христиан в царствование Диоклетиана (284–305) он не пожелал скрыть свою веру, был за это усечен мечом и брошен в море. На фреске 1547 г. в афонском монастыре Дионисиат изображена казнь св. мученика: в руках палача голова Анастасия-средовека с небольшой округлой раздвоенной бородой, а на теле казненного одежда, выдающая в нем человека небедного. На мозаике в церкви св. Венанция в Латеранском дворце мч. Анастасий изображен в одежде зажиточного горожанина [31]. Его имя, упоминаемое в западных и восточных месящесловах [32. С. 283], в русских календарных изданиях 1640–1650 гг. отсутствует.

Надпись на Кийской иконке «м^чкъ а^нта||си» не дает оснований для изменения существующей иденти-

фикации, однако в ней заставляет усомниться изображение святого, где он представлен молодым человеком с едва намеченной бородой и крупными завитками волос, увенчанными высокой округлой фригийской шапочкой, близкой по форме к головному убору вмч. Иакова Перского на иконке того же реликвария. В правой руке мч. Анастасий держит перед грудью крест, левая рука, как и у вмч. Иакова, опущена к широкому поясу хитона, где у воинов крепился меч. Указанные особенности иконографии позволяют предположить, что образок изображает прмч. Анастасия Персянина († 628). Почитание этого святого на Руси известно с конца XI в. [33. С. 249], его имя Месяцесловы 1658 г. упоминают в день памяти 22 января [34. С. 381–382; 35. С. 26 втор. сч.]. Краткие жития святого, взятые из стихного и нестихного Прологов, помещены в Четвях-Минях митр. Макария (ГИМ. Синодальное собр., № 990. ВМЧ. Январь. Л. 1532 об.). В них повествуется история перса Магудата, воина и мага, который силою Креста Господня, увезенного в Персию после завоевания Иерусалима шаханшахом Хосровом II, уверовал во Христа. Приняв крещение и монашеский постриг на Святой земле, Афанасий странствовал и, «видев волхвы», обличал их, за что по приговору Хосрова подвергся мучениям и был казнен.

Нуждаются в идентификации и другие святыни Кийского креста, например иконка с надписью «преп^аобны^и никита и//спо||ве^нн^и». Изображенный святой определен в списке церкви в Крапивниках как исповедник Константинопольский († 838, память 13 октября). Есть, однако, основания полагать, что частица мощей и серебряный образок относятся к прп. Никите, игумену, исповеднику Мидийскому († 824, память 3 апреля). Наша работа в этом направлении продолжается.

Для Патриарха Никона процесс распространения по землям центральной и северной России восточно-христианских реликвий, сосредоточенных в Московском Кремле, был частью не только архипастырской проповеди, но и церковных реформ. Вместе с частицами мощей насаждались знания об угодниках Божиих, молитвенное поклонение святому обретало значение личного, контактного общения с ним. Валдай, Кий-остров и Русская Палестина под Москвой, так же как и древние духовные центры Руси, близ которых они были основаны, становились частью сакрального пространства Вселенского православия, знаменуя свое духовное единство со Святой землей и Святым Афоном.

Заслуживает внимания вопрос о путях, которыми святыни попадали к Патриарху Никону. Данная проблема тесно связана с осмыслением Первосвятителем процесса распределения мощей, евлогий и других реликвий по территории Московского царства. Современники Первопрестольника часто одаривали его священными предметами, происходившими из личных и семейных собраний. Это совершалось во время освящения храмов и часовен, патриарших «новосельных столов», церковных праздников и молебнов в соборных храмах благочиний, когда духовенство подносило Патриарху в числе разнообразных святынь

и частицы мощей угодников Божиих, особо почитаемых в их церковных округах.

История формирования Патриархом Никоном собрания мощей и других реликвий совершенно не изучена. Между тем она многозначна и динамична. Ранее отмечалось, что в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима при Патриархе Никоне хранилось множество частиц мощей святых, в том числе местночтимых, например прп. Ефрема Новоторжского, общецерковное празднование памяти которому, установленное Патриархом Филаретом в 1621 г., было отменено вскоре после смерти Первосвятителя [36]. Местное почитание преподобного сохранялось, распространившись с середины XVII в. на монастыри Патриарха Никона в связи с припиской Рождественского монастыря в Торжке к Иверскому монастырю на Валдае [37. Стб. 152].

Хорошо известны пути «хождения» частиц мощей другого местночтимого святого – прав. Иакова Боровичского. В 1657 г. Патриарх Никон перенес его честные останки в Иверский монастырь на Валдае из Свято-Духовой обители в Боровичах, где с 1572 г. совершалось полиелейное празднование в честь святого. Годом раньше частица мощей прав. Иакова была вложена в Кийский крест, причем частицы мощей святого оставались и в Свято-Духовом монастыре. В первой половине 1660-х гг. они находились в раке, установленной в деревянной надвратной церкви прав. Иакова Боровичского Ново-Духова монастыря, основанного Патриархом Никоном близ Свято-Духовой обители [38. С. 108–115].

При изучении истории собирания Святейшим Никоном частиц мощей встает вопрос о его почитании святых, представленных в Кийском кресте. Исследование данной темы связано с привлечением широкого круга письменных источников, в которых необходимо выявить: 1) святыни, вложенные Первосвятителем в основанные им монастыри; 2) престолы, освященные в построенных Патриархом храмах во имя святых, представленных в Кийском реликварии; 3) примеры соотнесения Никоном событий своей биографии с житиями святых, частицы мощей которых находятся в крестном древе. В таких случаях выявляются типологические параллели. Одной из них «святитель Филипп, митрополит Московский – Патриарх Никон» мы посвятили ряд статей [39, 40].

Накопленный теоретический опыт позволяет заключить, что программа распространения частиц мощей святых, зафиксированных письменными источниками в престолах и антимирах, наперстных, наперсных и воздвизальных крестах, иконах и ковчежцах, панагиях и раках разной величины, реализовывалась Патриархом Никоном как одно из важнейших архипастырских деяний.

Детального исследования требуют резные надписи на иконках Кийского креста. Как и сами изображения святых, они совершенно не изучены. Речь идет, во-первых, о почерках, которыми выполнены надписи: судя по характеру начертания одних и тех же букв на разных образках, их несколько.

Так, буква «Н» воспроизводится как кириллическая и как латинская «N», в одинаковых словах используется восьмеричная и десятичная буква «И», а в ряде слов наблюдается смешение букв «фита» (в кириллице овал, пересеченный чертой с опущенными концами) и «ферт» («Ф»). Существуют особенности сокращений, принятых при обозначении ликов святости и имен святых: в одних и тех же словах под титулами разные выносные буквы. Например, слово «мученик» под титулом имеет не менее пяти вариантов: «м^и», «м^нкъ», «м^ккъ», «мк», «м^ккъ», причем третий извод варьируется таким образом, что выносная «ч» пишется в верхней строке либо над «м», либо над «к», либо между ними. Слово «преподобный» также воспроизводится в не менее чем пяти вариантах: в верхнем левом углу иконки – как одиночная буква «п» в круге или сокращение «прп» как растянутое на всю строку слово – «пр^епобный», и как написанное с обеих сторон лика – «пр^епб||ныи», «пр^епб||ныи».

Предварительные наблюдения обнаружили в надписях на серебряных пластинах греческие и русские варианты слов. Анализ почерка и характер лексических воспроизведений позволит, несомненно, выявить ряд мастеров-резчиков и детально описать характер их работы. Отметим, что она носит следы спешки, результаты которой заметны в исполнении и содержании гравированных текстов. Так, иконка сщмч. Евпла, архидиакона Катанского (Сицилийского) имеет подпись без указания чина святости: «еу^иль || дьа/ко^и»; имя на образке прп. Георгия Хозевита читается как «ѳѳргѳ хозо/вѳйя». На многих образках фрагменты надписи пересекают края нимба святого, а в изображении того же прп. Георгия и прп. Феодора Сикеота буква «и» переходит на нимб целиком. Вероятно, оформление Креста следовало завершить к 1 августа 1656 г., и значение этой даты требует всестороннего осмысления.

Филологическое направление исследований неразрывно связано с изучением иконографии Кийского креста и каждого из его образков. Статья Г.М. Зеленской об иеротопии Кийского реликвария [41] рассматривает храмовую икону Ставроса как образ Собора Всех Святых, где изображения и частицы мощей угодников Божиих расположены по чинам святости. Предлагается новый порядок перечня реликвий: не слева направо, как в Сказаниях, а лучеобразно, от иерархического центра, где находился ковчежец с частями Животворящего Креста, Крови и Ризы Господней, Млека Пресвятой Богородицы, крови св. Иоанна Предтечи и св. ап. Павла, к концам крестного древа. Центрическая композиция оформления Креста символична. Крестное древо, соответствуя положению Распятия на Голгофе, ориентировано по сторонам света, и размещение евлогий Святой земли обусловлено топографией мест, откуда они происходят. Так, части Гроба Господня и Гроба Пресвятой Богородицы помещены на вертикальной оси Креста, знаменующей Иерусалим и Елеон. Вифлеем находится к югу от Святого града, а Сорокадневная гора – к северу от него. Соответственно, камень из Вертепа Рождества Христова врезан в южный конец центральной

перекладины, а камень от пещеры, где Христос молился 40 дней, – в северный. Эти и другие реликвии предстают в Кресте иконотопосами Святой земли, позволяя приравнивать поклонение им к паломничеству в Палестину.

В статье затронута тема первообразов Кийского реликвария, в числе которых – воздвизальный Крест прп. Евфросинии Полоцкой XII в. и Киликийский крест первой половины XVI в. из вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Выявление аналогов следует продолжить.

В «смысловом партесе» оформления и надписей Креста выделены церковно-исторические и эсхатологические мотивы, поставлен вопрос о необходимости учитывать уставные особенности богослужения в праздник Воздвижения Креста Господня в соборных храмах Крестного и Воскресенского монастырей. Добавим к этому задачу осмысления агиотопоники престолов Ставроса, именовавшегося Патриархом Никоном «домом Всемиловитого Спаса, Честнаго и Животворящего Креста Господня» [8. С. 116]. Посвящение престолов Кийской обители и семантика ее главной святыни во многом обусловлены текстами богослужения 1 августа, когда совершаются праздники «Всемиловитого Христа и Пречистой Его Матери» (ГИМ. Синодальное собр., № 997. ВМЧ. Август. Л. 7) и «Происхождения честных древ Честнаго и Животворящего Креста» [34. С. 487 втор. сч.] с чином освящения воды, при котором упоминаются имена угодников Божиих всех чинов святости. Гимнография дня совмещает темы поклонения Кресту, ликования Церкви Небесной и молитвенных прошений ко Господу «освятить, возвысить, возвеличить и утвердить» Церковь земную [42. Л. 1–45]. Исторический аспект богослужения имеет русско-византийские корни, связанные с установлением праздника Всемиловитому Спасу в XII в. Изучение Кийского реликвария в этом контексте предполагает синтезированное исследование всех его составляющих, включая внешнее оформление: от резьбы, живописи и надписей деревянного киота до интерпретации символики камня, на котором Крест был водружен первоначально [8. С. 117].

В свете вышесказанного очевидна необходимость создания каталога изображений и реликвий Креста, осмысляющего святыню как часть иконографического творчества Патриарха Никона. Структура каталога предполагает комплексный подход к решению данных задач, требующих сотрудничества историков, искусствоведов, филологов, реставраторов. Предстоит детальное, с обмерами, исследование всех элементов оформления Креста и тщательный анализ следов утрат в виде трещин, потертостей, отверстий от гвоздей и т.д. Итогом натурной работы должны стать обмерные чертежи и технические описания святыни, которые фиксируют ее современное состояние, отмечают результаты чинок и предлагают варианты графической реконструкции первоначального вида. Подобные исследования сопровождаются обычно исторической справкой, использующей все доступные для изучения источники. Продолжение идентификации святых, изображенных на образках Креста, потребует в соответствии со структурой каталога де-

тального изучения их иконографии, поиска аналогов разного времени в иконописи, миниатюре, монументальной живописи, гравировке по металлу и резьбе по дереву, привлечения житийной литературы и богослужебных текстов, использования древнерусских месяце-словов, миней, прологов, синаксарей.

Отдельная строка каталожных данных – сведения о принесении в Россию частиц мощей определенного святого или евлогии, а также примеры их нахождения в разных духовных центрах православного мира, в том числе: 1) на Святой земле, в монастырях Афона и на Балканах; 2) в Успенском и Благовещенском соборах, Теремном дворце, Образной палате и Патриаршей ризнице Московского Кремля; 3) в приходских церквях, монастырях и архиерейских домах Великого Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Твери и других городов Руси.

Органичная для каталога, но выходящая за его рамки тема, – аналоги Кийского креста, создатели которых вдохновлялись образом северной святыни. Известно, например, что «7200 (1692) июля въ 16 день, будучи в Сийском монастырь Патриарший казначей старец Паисей далъ въ тотъ Сийскій монастырь животворящій крестъ четвероконечный, въ коемъ Господа нашего Иисуса Христа кровь и власы, и риза, честное и святое древо, и много мощей разныхъ святыхъ, при подризничемъ Патриарша дому иеродиаконѣ Иоакимѣ» [43. С. 113]. Речь идет о старце Паисии Сийском, постриженнике Антониевой обители, который с 1676 по 1693 г. нес в Москве послушание патриаршего казначей. Он, вероятно, не только знал, но и особо почитал Кийский крест, где находилась частица мощей с иконкой вмч. Прокопия Кесарийского (Палестинского), тезоименитого святого о. Паисия в миру³. В перечне святынь Сийского Креста значатся части Крови и Ризы Христовой – редкие реликвии, полученные из Патриаршей ризницы, о чем свидетельствует упоминание иеродиакона Иоакима. Этот ризничий известен по документам «касательно взятия в Москву» святынь из Нового Иерусалима в 1672 г. Он приехал в Воскресенский монастырь по указу Патриарха Питирима и, «пересмотря по переписным книгам» святыне мощи, которые «в ризнице были в раковинной шкатуле», повез их «в той же шкатуле» в столицу. Роспись реликвий упоминает прежде всего «кровь и риза Христа Бога нашего въ ковчежцѣ серебряномъ» [45. С. 710]. Вполне вероятно, что старцем Паисием были вложены в Сийский крест именно эти реликвии, собранные Патриархом Никоном для Кийского креста и тогда же разделенные, как и частицы мощей, между патриаршими монастырями. Данная гипотеза заслуживает внимания в связи с темой взаимообогащения православной культуры движением от центра к периферии и в обратном направлении. Путь от столицы на Русский Север, по которому распространялись святыни мирового православия, был проложен Никоном при создании патриарших монастырей и прошел через многие обители Руси. Достаточно назвать Сийский иконописный подлинник, который, соединяя традиции и новаторство, служит ярким образцом движения высокого искусства от северных

окраин России в Москву и обратно, к Белому морю, что целенаправленно как важнейшую часть церковной реформы осуществлял Патриарх Никон.

Завершая обзор проблематики изучения Кийского креста, следует сказать о необходимости интерпретации разночтений в сведениях о числе частиц святых мощей, вложенных в реликварий. Существуют две версии XVII в.: «до треюсту» [3. С. 29; 20. С. 59] и «не менее двоусот» [46. С. 145]. Издания начала XX в. сообщали, что на лицевой стороне Креста находится 95 (или 97) «частей мощей Святых Угодников Божьих, на задней стороне без наименования более трехсот» [47. С. 53].

Вопрос о наличии мощей на оборотной стороне Креста можно решить с помощью реставрационно-исследовательских технологий. Вопрос о количественных версиях более сложен и требует культурологического осмысления.

В специальном анализе нуждаются и литературные источники, связанные с Кийской святыней. Имеется в виду виршевая поэзия XVII в. на тему Креста Господня, один из авторов которой, подьячий приказа Большого дворца Алексей Онуфриев, давно привлекает внимание филологов [48]. Даже беглого знакомства с творчеством этого поэта достаточно, чтобы согласиться с выводами о смысловых связях его стихов с письменными источниками о Кийском кресте и заметить влияние на их изобразительные образы храмового убранства Крестовоздвиженского собора. Вместе с тем представляется недостаточно убедительной публикация в числе стихов Онуфриева «Молитвы Честному и Животворящему Кресту» из Сказания о Кийском Кресте [49. С. 268–274]. Все это побуждает внести тему виршевой поэзии в круг перспективных вопросов изучения литературных аспектов главной святыни Ставра. Речь идет о надписях на иконах предстоящих и на первоначальном деревянном киоте Креста. Эти тексты написаны от первого лица, без размера, но с рифмой, образующей звуковую и смысловую ритмику строфы. Например: «Радуйся, древо **треблаженное**, на краниеве месте **насажденное**. Радуйся, всего мира **обновителю**, адова же царствия **потребителю**. Тебе, яко одушевленну, о Кресте, песнь **припеваю**, колени со главою души и тела **прекляню**. Спаси мя, Кресте святыи, тебе **припадающа**, верою и любовию тя **обლობызающа...**» (выделено полужирным шрифтом нами. – С.С., Г.З.). Для цитируемой молитвы характерно наличие рифм, сохраняющих украинское произношение буквы «ять» [48. С. 373], что свидетельствует о малороссийском происхождении автора, между тем как Алексей Онуфриев был, очевидно, москвич [50].

«Музыкальность» и заметная ритмика – свойства многих молитвословий. Рифмованные надписи встречаются в самых разных памятниках, например на свитках пророков Даниила и Моисея из иконостаса Успенского собора Московского Кремля, созданного в 1653 г. под руководством Первосвятителя Никона [51. С. 154 (№ 40), 156 (№ 41)]. Спорадическая рифма слышится у анзерского монаха Макария, возродившего на рубеже XVII–XVIII вв. память о прп. Елеазаре, устройтеле Троицкой Анзерской пустыни, учителе будущего

Патриарха Никона и на основе документальных и легендарных источников реконструировавшего во Вкладной книге скита его историю [52]. Рифмованные строки отличают произведение неизвестного автора, написанное от имени Патриарха Никона в конце XVII в. и в одном из списков завершившее полемический труд Перво-святителя «Возражение, или Разорение» ответы Газского митрополита Паисия Лигарида на вопросы боярина Симеона Стрешнева [53].

Предстоит выявить особенности авторской, Никоновой, мелодики, сравнив приемы ритмизации речи Патриарха с другими его сочинениями, имеющими схожие черты, а затем рассмотреть все эти тексты в ряду уникальных памятников русской письменной культуры.

Выводы. Кийский крест, изготовленный по заказу Патриарха Никона в 1656 г., является символом единства Вселенского православия. Богословско-художественная программа этой святыни не имеет аналогов в византийском, западном и русском искусстве [17. С. 425]. Раскрыть заложенные в ней пласты смыслов невозможно методами одного научного направления. Филологические и историко-церковные, источниковые и искусствоведческие, богословско-художественные и культурологические направления исследования Кийского реликвария тесно переплетаются с иеротопическими и лингвистическими подходами к его изучению. Обозначенные нами проблемы филологического исследования святыни связаны с особенностями иконографии Креста, установлением его богословско-художественной значимости, реконструкцией истории бытования и почитания.

Перечислим задачи, решение которых позволить всесторонне и комплексно изучить этот уникальный памятник русского православия:

1. Максимально полное выявление источников, содержащих описания Креста и вложенных в него

святынь. Издание всех нарративов по первоисточникам и с реальным комментарием.

2. Составление сводного каталога изображений и реликвий Креста, что позволит рассмотреть Кийский мощевик в системе иконоческого творчества Патриарха Никона и в контексте древнерусских письменных источников.

3. Идентификация святых, частицы мощей которых вложены в крестное древо, которая расширит наши представления о значении Кийского реликвария в христианской культуре и мировом православии.

4. Определение источников святынь Крестомощевика, что позволит реконструировать патриаршую программу распространения по Центральной и северной России восточно-христианских реликвий в контексте церковных реформ.

Комплексный подход позволяет осмыслить не только сам объект изучения – Кийский крест – всесторонне и в единстве заложенных в нем смыслов, но и отдельные задачи как неотъемлемые части целого. Перспективные направления исследования памятника видятся нам в последовательной реализации поставленных вопросов, ответы на которые позволят дать объективную оценку замыслам Патриарха Никона о России и Русской православной церкви, раскрыть новые грани его реформаторской деятельности, восполнить отдельные пробелы в биографии Перво-святителя.

Предлагаемый нами комплексный подход к изучению уникального реликвария соответствует синтезу иконографии, символики и семантики в иеротопическом и зодческом творчестве Святейшего Никона. Патриарх видел Россию органичной и значимой частью Вселенского православия и с поразительной духовной глубиной реализовал свои воззрения в Кийском кресте – великой святыне христианского мира.

Список сокращений

АЕВ – «Архангельские епархиальные ведомости»; АИ – «Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею»; АН – «Архитектурное наследство»; ВМЧ – «Великие Минеи Чети»; ГБУК МО – Государственное бюджетное учреждение культуры Московской области; ГИМ – Государственный исторический музей (Москва); ПА – «Ползуновский альманах»; ПЭ – «Православная энциклопедия»; ТОДРЛ – «Труды Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург); СККДР – «Словарь книжников и книжности Древней Руси»; ЧОИДР – «Чтения в Обществе истории древней Руси».

Примечания

¹ Цитаты из изданий XVII–XIX вв. воспроизводятся в орфографии оригиналов.

² Здесь и в дальнейшем приняты традиционные сокращения ликов святости, степеней священства и административной иерархии священнослужителей.

³ В «Истории о преподобном игумене Феодосии», написанной архим. Сийского монастыря Никодимом в 1690-х гг., о старце Паисии сказано, что он «рождение свое праздновал на память великомученика Прокопия» [44. С. 264].

Список источников

1. Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского собора. М.: Синодальная тип., 1908. 368 с.
2. Никон, патр. Грамота о Крестном монастыре. М.: Печатный двор, [после 24.06.1656]. 44 л.
3. Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериним / предисл. А. Л-ь. М.: Изд. Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого мон-ря, 1871. VIII, 119 с.
4. АИ. СПб.: В Тип. П-го Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1842. Т. 4. 566+8+15 с.
5. Лаврентий (Далматов), архим. Краткое известие о Крестном Онежской Архангельской епархии монастыре. М.: В Синодальной тип., 1805. 34 с.
6. Постернак О.П. Иконография Кийского Креста и его повторения XVIII века // Оригинал и повторение в живописи. Экспертиза художественных произведений. М.: ВХНРЦ, 1988. С. 47–60.
7. Кольцова Т.М. «Крестовый образ» Кийского Крестного монастыря // Научно-исследовательская работа в художественном музее. Архангельск, 1998. Вып. 1. С. 14–32.
8. Историческое описание Крестного второклассного монастыря Онежского уезда Архангельской губернии // АЕВ. 1890. № 8. Часть неофиц. С. 105–124.

9. Осипенко М.В. Кийский Крест Патриарха Никона. М.: Подворье Патриарха Московского и Всея Руси – храм прп. Сергия Радонежского в Крапивниках, 2004. 105 с.
10. Ильин М.А. Крестный монастырь на Кий-острове // АН. М., 1962. Вып. 14. С. 89–104.
11. Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // АН. М., 1969. Вып. 18. С. 30–44.
12. Кольцова Т.М. Новые данные о строительной истории Крестного (Онежского) монастыря в XVII–XIX вв. (по письменным источникам) // Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморск. Гос. ун-та, 1998. С. 266–292.
13. Гнутова С.В. Кийский Крест // Патриарх Никон. Облечения, личные вещи, автографы, вклады, портреты: из собраний Гос. исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белозерского музея-заповедника, музея-заповедника «Коломенское», Российского государственного архива древних актов. М.: ГИМ, 2002. С. 72–75.
14. Щедрина К.А. Некоторые историко-богословские аспекты монастырского строительства Патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: сб. науч. ст. М.: Северный паломник, 2002. С. 15–22.
15. Гнутова С.В., Щедрина К.А. Кийский Крест, Крестный монастырь и преобразование сакрального пространства в эпоху Патриарха Никона // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и древней Руси. М.: Прогресс-традиция, 2006. С. 681–705.
16. Зеленская Г.М. Святые Нового Иерусалима. М.: Северный паломник, 2002. 440 с.
17. Кольцова Т.М. Кийский Крест // ПЭ. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2013. Т. 33. С. 424–428.
18. Севастьянова С.К. Грамота патриарха Никона о Крестном монастыре // Ставрографический сборник. М.: Древлехранилище, 2005. Кн. 3. С. 336–403.
19. Севастьянова С.К. Выписки о Кресте и крестном знамении из Грамоты патриарха Никона о Крестном монастыре в старообрядческом сборнике из собрания Е.В. Барсова // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 274–288.
20. Севастьянова С.К. Сказания о Кийском Кресте // ПА. 2017. Т. 1, ч. 2, № 4. С. 56–62.
21. Зеленская Г.М. Кийский Крест: перспективы изучения. URL: <http://patriarh-nikon.ru/?p=250> (дата обращения: 01.04.2019).
22. «Опись второклассного Онежского Крестного монастыря...» 1825 г. // Кий-остров: История и современность: сб. материалов науч.-практ. конф. Архангельск: Правда Севера, 2005. С. 96–144.
23. Лебедев Л., прот. Богословие русской земли как образа обетованной земли царства небесного (на некоторых примерах архитектурно-строительных композиций XI–XVII веков) // Тысячелетие крещения Руси: материалы Междунар. церковно-ист. конф. Киев, 21–28 июля 1986 г. М.: Изд-е Моск. патриархии, 1988. Т. 2. С. 140–175.
24. Зеленская Г.М. Святые горы в монастырях Патриарха Никона // Иеротопия Святой горы в христианской культуре. М.: Феория, 2019. С. 351–381.
25. Севастьянова С.К. Сведения о мощах христианских святых в памятниках литературы Древней Руси XI–XV веков как основа для каталога святых мощей, бытовавших при патриархе Никоне // Каптеревские чтения–15. М.: Изд-е ИВИ РАН, 2016. С. 125–194.
26. Переписная книга Московского Благовещенского собора XVII века по спискам: Архива Оружейной палаты и Донского монастыря // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М.: Унив. тип. (Катков и К), 1873. II. Материалы. С. 1–49.
27. Царский храм. Святые Благовещенского собора в Кремле. Каталог выставки. М.: Издательский дом Максима Светланова, 2003. 416 с.
28. ВМЧ, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. М.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К, 1904. Октябрь. Дни 19–31. 330 с.; М.: Синодальная тип., 1904. Декабрь. Дни 6–17. 316 с.
29. Зайцев Д.В., Макаров Е.Е., Герасименко Н.В. Елевферий // ПЭ. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2008. Т. 18. С. 275–278.
30. Пролог, первая половина (сентябрь–февраль). М.: Печатный двор, 1642. 440 л.
31. Михайлов П.Б. Анастасий // ПЭ. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2000. Т. 2. С. 233.
32. Сергий, архим. Полный Месяцеслов Востока. Т. 2: Святой Восток. М.: Тип. Современных известий, 1876. 1063 с.
33. Грацианский М.В., Лосева О.В., Беспяхотная Е.П., Луквинкова Е.А. Анастасий Персиянин // ПЭ. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2000. Т. 2. С. 248–250.
34. Псалтирь с воследованием. М.: Печатный двор, 1658. 573 л.
35. Требник. М.: Печатный двор, 1658. 521 л.
36. Кузьмин А.В., Я.Э.З. Ефрем // ПЭ. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2008. Т. 19. С. 41–45.
37. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные о. архимандритом Леонидом. Пб.: В Тип. М. Эттингера, 1878. 655 с.
38. Зеленская Г.М. Патриарх Никон – зодчий Святой Руси. М.: Православный паломник-М, 2011. 320 с.
39. Зеленская Г.М., Севастьянова С.К. Патриарх Никон и святитель Филипп, митрополит Московский: опыт комплексного исследования // Palaeoslavica. 2015. Vol. XXIII/2. P. 69–164.
40. Зеленская Г.М., Севастьянова С.К. Святитель Филипп и Патриарх Никон: типологические подобию // Эпоха Ивана Грозного и ее отражение в историографии, письменности, искусстве, архитектуре: сб. материалов Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Владимир: ИПК «Транзит-ИКС», 2018. Т. 1. С. 123–148.
41. Зеленская Г.М. Иеротопия Кийского Креста // ПА. 2017. Т. 1, ч. 2, № 4. С. 68–91.
42. Минея служебная. Август. М.: Печатный двор, 1630. 527 л.
43. Макарий (Миролюбов), еп. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // ЧОИДР. 1878. Кн. 3. С. 3–122.
44. Рыжова Е.А. Литературное творчество книжников Антониево-Сийского монастыря XVI–XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 218–264.
45. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем оного архимандритом Леонидом. М.: ОИДР при Моск. ун-те, 1876. 768 с.
46. Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность: ново-иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 363 с.
47. Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. Кн. 1–4. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1909. 712 с.
48. Николаев С.И. Два стихотворца XVII века // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1985. Т. 39. С. 371–378.
49. Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М.: Советская Россия, 1989. 480 с.
50. Николаев С.И. Онуфриев Алексей Захарович // СККДР. Вып. 3. (XVII в.), ч. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 420.
51. Осташенко Е.Я. Главный иконостас Успенского собора 1653 года // Успенский собор Московского Кремля. Иконостасы. Каталог. М.: Северный паломник, 2011. С. 55–219. Кат. № 1–70.
52. Севастьянова С.К. Анзерский монах Макарий – малоизвестный автор конца XVII – начала XVIII – начала XVIII в. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 204–213.
53. Севастьянова С.К. Новонайденное сочинение о патриархе Никоне // Культура, история и литература Русского мира: общенациональный и региональный аспекты: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул: Изд-во АГУ, 2014. С. 335–380.

References

1. Golubtsov, A.P. (1908) *Chinovniki Moskovskogo Uspenskogo sobora* [Officials of the Moscow Assumption Cathedral]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya.

2. Nikon, Patriarch. (1656) *Gramota o Krestnom monastyre* [Certificate of the Cross Monastery]. Moscow: Pechatnyy dvor.
3. Shusherin, I.K. (1871) *Izvestie o rozhdenii i vospitanii i o zhitii Svyatyshego Nikona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, napisannoe klirikom ego Ioannom Shusherinym* [The news of the birth and upbringing and life of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia, written by his cleric Ioann Shusherin]. Moscow: Izd. Voskresenskogo, Novyy Ierusalim imenuemogo monastyrya.
4. *Akty istoricheskie*. (1842) 4.
5. Lavrentiy (Dalmatov), archimandrite. (1805) *Kratkoe izvestie o Krestnom Onezhskoy Arkhangel'skoy eparkhii monastyre* [Brief news about the Monastery of the Cross of the Onega Archangel Diocese]. Moscow: V Sinodal'noy tipografii.
6. Posternak, O.P. (1988) *Ikonografiya Kiyskogo Kresta i ego povtoreniya XVIII veka* [Iconography of the Cross of Kiy and its repetition of the 18th century]. In: Lomidze, I.E. (ed.) *Original i povtorenie v zhivopisi. Ekspertiza khudozhestvennykh proizvedeniy* [Original and Repetition in Painting. Examination of works of art]. Moscow: VKhNRTs. pp. 47–60.
7. Kol'tsova, T.M. (1998) "Krestovyy obraz" Kiyaskogo Krestnogo monastyrya ["Cross Image" of the Cross of Kiy Monastery]. In: Galimova, E.Sh. (ed.) *Nauchno-issledovatel'skaya rabota v khudozhestvennom muzee* [Research Work in the Art Museum]. Vol. 1. Arkhangel'sk: Pravda Severa. pp. 14–32.
8. Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti. (1890) *Istoricheskoe opisanie Krestnogo vtoroklassnogo monastyrya Onezhskogo uезда Arkhangel'skoy gubernii* [Historical description of the second-class Cross Monastery of Onega District of Arkhangel'sk Province]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 8. pp. 105–124.
9. Osipenko, M.V. (2004) *Kiyskiy Krest Patriarkha Nikona* [Cross of Kiy of Patriarch Nikon]. Moscow: Podvor'e Patriarkha Moskovskogo i Vseya Rusi – khram prp. Sergiya Radonezhskogo v Krapivnikakh.
10. Il'in, M.A. (1962) Krestnyy monastyr' na Kiy-ostrove [Holy Monastery on Kiy-island]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 14. pp. 89–104.
11. Alferova, G.V. (1969) K voprosu o stroitel'noy deyatelnosti patriarkha Nikona [On the question of the construction activity of Patriarch Nikon]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 18. pp. 30–44.
12. Kol'tsova, T.M. (1998) Novye dannye o stroitel'noy istorii Krestnogo (Onezhskogo) monastyrya v XVII–XIX vv. (po pis'mennym istochnikam) [New data on the building history of the Cross (Onega) Monastery in the 17th–19th centuries (according to written sources)]. In: Popova, L.D. (ed.) *Pamyatniki arkhitektury Russkogo Severa* [Monuments of Architecture of the Russian North]. Arkhangel'sk: Pomor University named after M. Lomonosov. pp. 266–292.
13. Gnutova, S.V. (2002) Kiyskiy Krest [The Cross of Kiy]. In: Yukhimenko, E.M. (ed.) *Patriarkh Nikon. Oblacheniya, lichnye veshchi, avtografy, vkłady, portrety: iz sobraniy Gos. Istoricheskogo muzeya, muzeya-zapovednika "Moskovskiy Kreml'", muzeya "Novyy Ierusalim", Kirillo-Belozerskogo muzeya-zapovednika "Kolomenskoe", Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov* [Patriarch Nikon. Vestments, personal belongings, autographs, contributions, portraits: from the collections of the State Historical Museum, the Moscow Kremlin Museum-Reserve, the New Jerusalem Museum, the Kirillo-Belozersky Museum-Reserve, the Kolomenskoye Museum-Reserve, the Russian State Archive of Ancient Acts]. Moscow: State Historical Museum. pp. 72–75.
14. Shchedrina, K.A. (2002) Nekotorye istoriko-bogoslovskie aspekty monastyrskogo stroitel'stva Patriarkha Nikona [Some historical and theological aspects of the monastery construction of Patriarch Nikon]. In: *Nikonovskie chteniya v muzee "Novyy Ierusalim"* [Nikon Readings in the New Jerusalem Museum]. Moscow: Severnyy palomnik. pp. 15–22.
15. Gnutova, S.V. & Shchedrina, K.A. (2006) Kiyskiy Krest, Krestnyy monastyr' i preobrazhenie sakral'nogo prostranstva v epokhu Patriarkha Nikona [The Cross of Kiy, the Holy Monastery and the Transformation of the Sacred Space in the Era of Patriarch Nikon]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i drevney Rusi* [Hierotopia. Creation of sacred spaces in Byzantium and ancient Russia]. Moscow: Progress-traditsiya. pp. 681–705.
16. Zelenskaya, G.M. (2002) *Svyatyni Novogo Ierusalima* [Shrines of the New Jerusalem]. Moscow: Severnyy palomnik.
17. Kol'tsova, T.M. (2013) Kiyskiy Krest [Cross of Kiy]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 33. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 424–428.
18. Sevast'yanova, S.K. (2005) Gramota patriarkha Nikona o Krestnom monastyre [Manuscript of Patriarch Nikon on the Monastery of the Cross]. In: Gnutova, S.V. (ed.) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 3. Moscow: Drevlekhranilishche. pp. 336–403.
19. Sevast'yanova, S.K. (2005) Vypiski o Kreste i krestnom znamenii iz Gramoty patriarkha Nikona o Krestnom monastyre v starobryadcheskom sbornike iz sobraniya E.V. Barsova [Extracts on the Cross and the Sign of the Cross from Patriarch Nikon's Manuscript on the Monastery of the Cross in an Old Believer collection from the collection of E.V. Barsova]. In: *Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoy dukhovnoy kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv.* [Social Thought and Traditions of Russian Spiritual Culture in Historical and Literary Monuments of the 16th–20th Centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 274–288.
20. Sevast'yanova, S.K. (2017) Skazaniya o Kiyskom Kreste [Tales of the Cross of Kiy]. *Polzunovskiy al'manakh*. 4 (1). Pt. 2. pp. 56–62.
21. Zelenskaya, G.M. (2019) *Kiyskiy Krest: perspektivy izucheniya* [Cross of Kiy: perspectives of studying]. [Online] Available from: <http://patriarh-nikon.ru/?p=250> (Accessed: 01.04.2019).
22. Anon. (2005) "Opis' vtoroklassnogo Onezhskogo Krestnogo monastyrya..." 1825 g. ["Inventory of the second-class Onega Cross Monastery ..." 1825]. In: Popova, L.D. (ed.) *Kiy-ostrov: Istoriya i sovremennost'* [Kiy-Island: History and modernity]. Arkhangel'sk: Pravda Severa, 2005. pp. 96–144.
23. Lebedev, L., protoiereus. (1988) [Theology of the Russian land as an image of the Promised Land of the Kingdom of Heaven (on some examples of architectural and building compositions of the 11th–17th centuries)]. *Tysyacheletie kreshcheniya Rusi* [Millennium of the Baptism of Russia]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Kiev. 21–28 July 1986. Moscow: Izd-e Moskovskoy patriarkhii. pp. 140–175. (In Russian).
24. Zelenskaya, G.M. (2019) Svyatye gory v monastyryakh Patriarkha Nikona [Holy mountains in the monasteries of Patriarch Nikon]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Ierotopiya Svyatoy gory v khristianskoy kul'ture* [Hierotopy of the Holy Mountain in Christian Culture]. Moscow: Feoriya. pp. 351–381.
25. Sevast'yanova, S.K. (2016) Svedeniya o moshchakh khristianskikh svyatykh v pamyatnikakh literaturnykh Drevney Rusi XI–XV vekov kak osnova dlya kataloga svyatykh moshchey, bytovavshikh pri patriarkhe Nikone [Information about the relics of Christian saints in the literary monuments of Ancient Russia of the 11th–15th centuries as the basis for the catalogue of holy relics that existed under Patriarch Nikon]. In: Chesnokova, N.P. (ed.) *Kapterevskie chteniya* [Kapterevsky Readings]. Vol. 15. Moscow; Serpukhov: Institute of World History of RAS; Nasledie Pravoslavnogo Vostoka. pp. 125–194.
26. Filimonov, G. (ed.) (1873) *Perepisnaya kniga Moskovskogo Blagoveshchenskogo sbora XVII veka po spiskam: Arkhiva Oruzheynoy palaty i Donskogo monastyrya* [Census book of the Moscow Annunciation Collection of the 17th century according to the lists: Archives of the Armory and the Donskoy Monastery]. In: *Sbornik na 1873 god, izdannyy Obshchestvom drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom Publichnom muzee* [Collection for year 1873, published by the Society of Old Russian Art at the Moscow Public Museum]. Vol. II. Moscow: Univ. tip. (Katkov i K). pp. 1–49.
27. Anon. (2003) *Tsarskiy khram. Svyatyni Blagoveshchenskogo sobora v Kremlje. Katalog vystavki* [The Temple of the Tsar. Shrines of the Cathedral of the Annunciation in the Kremlin. Exhibition catalogue] Moscow: Izdatel'skiy dom Maksima Svetlanova.
28. Macarius, Metropolitan. (1904) *VMCh, sobrannye Vserossiyskim mitropolitom Makariem* [Great Menaion Reader collected by the All-Russian Metropolitan Macarius]. Moscow: Tip. F.G. Eleonskogo i K; Sinodal'naya tip.
29. Zaytsev, D.V., Makarov, E.E. & Gerasimenko, N.V. (2008) Elefyeriy [Eleutherius]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 18. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 275–278.
30. Anon. (1642) *Prolog, pervaya polovina (sentyabr' – fevral')* [Synaxarion. First half (September – February)]. Moscow: Pechatnyy dvor.

31. Mikhaylov, P.B. (2000) Anastasiy [Anastasius]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. p. 233.
32. Sergiy, archimandrite. (1876) *Polnyy Mesyatseslov Vostoka* [Full Months of the East]. Vol. 2. Moscow: Tip. Sovremennykh izvestiy.
33. Gratsianskiy, M.V. et al. (2000) Anastasiy Persiyaniin [Anastasius of Persia]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 248–250.
34. Anon. (1658) *Psaltir' s vossledovaniem* [Psalter]. Moscow: Pechatnyy dvor.
35. Anon. (1658) *Trebnik* [Euchologion]. Moscow: Pechatnyy dvor.
36. Kuz'min, A.V. & Ya.E.Z. (2008) Efrem [Ephraim]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 19. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 41–45.
37. Leonid, archimandrite. (1878) *Akty Iverskogo Svyatoozerskogo monastyrya (1582–1706), sobrannye o. arkhimandritom Leonidom* [Acts of the Iberian Svyatoozersky Monastery (1582–1706), collected by Father Archimandrite Leonid.]. Saint Petersburg: V Tip. M. Ettingera.
38. Zelenskaya, G.M. (2011) *Patriarkh Nikon – zodchiy Svyatoy Rusi* [Patriarch Nikon, the architect of Holy Russia]. Moscow: Pravoslavnyy palomnik-M.
39. Zelenskaya, G.M. & Sevast'yanova, S.K. (2015) Patriarkh Nikon i svyatitel' Filipp, mitropolit Moskovskiy: opyt kompleksnogo issledovaniya [Patriarch Nikon and St. Philip, Metropolitan of Moscow: the experience of a comprehensive study]. *Palaeoslavica*. 23 (2). pp. 69–164.
40. Zelenskaya, G.M. & Sevast'yanova, S.K. (2018) [St. Philip and Patriarch Nikon: typological similarities]. *Epokha Ivana Groznogo i ee otrazhenie v istoriografii, pis'mennosti, iskusstve, arkhitekture* [The Era of Ivan the Terrible and Its Reflection in Historiography, Writing, Art, and Architecture]. Proceedings of the All-Russian Conference. Vol. 1. Aleksandrov. 16–17 October 2017. Vladimir: IPK “Tranzit-IKS”. pp. 123–148. (In Russian).
41. Zelenskaya, G.M. (2017) Ierotopiya Kiyskogo Kresta [Hierotopy of the Cross of Kiy] *Polzunovskiy al'manakh*. 4 (1). Pt. 2. pp. 68–91.
42. Anon. (1630) *Mineya sluzhebnyaya. Avgust* [The Menaion. August]. Moscow: Pechatnyy dvor.
43. Makariy (Mirolyubov), bishop. (1878) Istoricheskie svedeniya ob Antonievom Siyskom monastyre [historical information about St. Anthony's Siysky Monastery]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh*. 3. pp. 3–122.
44. Ryzhova, E.A. (2001) Literaturnoe tvorchestvo knizhnikov Antonievo-Siyskogo monastyrya XVI–XVIII vv. [Literary works of the scribes of the Antoniev-Siya Monastery of the 16th–18th centuries]. In: Semyachko, S.A. (ed.) *Knizhnye tsentry Drevney Rusi: Severnorusskie monastyri* [Book Centres of Ancient Russia: Northern Russian monasteries]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 218–264.
45. Leonid, archimandrite. (1876) *Istoricheskoe opisaniye Stavropigial'nogo Voskresenskogo, Novyy Ierusalim imenuemogo, monastyrya, sostavlennoe po monastyrskim aktam nastoyatelem onogo arkhimandritom Leonidom* [Historical description of the Stavropegic Resurrection monastery, named the New Jerusalem, compiled according to monastic acts by its rector, Archimandrite Leonid]. Moscow: OADR pri Mosk. un-te.
46. Avdeev, A.G. (2006) *Starorusskaya epigrafika i knizhnost': novo-ierusalimskaya shkola epigraficheskoy poezii* [Old Russian Epigraphy and Books: New Jerusalem school of epigraphic poetry]. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities.
47. Russkiy Palomnik. (1909) *Pravoslavnye russkie obiteli: Polnoe illyustrirovannoe opisaniye vsekh pravoslavnykh russkikh monastyrey v Rossiyskoy imperii i na Afone* [Orthodox Russian monasteries: A complete illustrated description of all Orthodox Russian monasteries in the Russian Empire and Mount Athos]. Books 1–4. Saint Petersburg: Tip. P.P. Soykina.
48. Nikolaev, S.I. (1985) Dva stikhotvortsy XVII veka [Two poets of the 17th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 39. pp. 371–378.
49. Anon. (1989) *Virshvaya poeziya (pervaya polovina XVII veka)* [Virche Poetry (First half of the 17th century)]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
50. Nikolaev, S.I. (1993) Onufriy Aleksey Zakharovich. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Books of Ancient Russia]. Vol. 3. Pt. 2. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. p. 420.
51. Ostashenko, E.Ya. (2011) Glavnyy ikonostas Uspenskogo sobora 1653 goda [The main iconostasis of the Assumption Cathedral of 1653]. In: Tolstaya, T.V. (ed.) *Uspenskiy sobor Moskovskogo Kremlya. Ikonostasy. Katalog* [Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Iconostases. Catalogue]. Moscow: Severnyy palomnik, 2011. pp. 55–219.
52. Sevast'yanova, S.K. (2001) Anzerskiy monakh Makariy – maloizvestnyy avtor kontsa XVII – nachala XVIII v. [Monk Macarius Anzersky – a little-known author of the late 17th – early 17th – early 18th centuries]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Knizhnye tsentry Drevney Rusi: Solovetskiy monastyr'* [Book Centres of Ancient Russia: Solovetsky monastery]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 204–213.
53. Sevast'yanova, S.K. (2014) Novonaydennoe sochinenie o patriarkhe Nikone [A Newly Found Essay on Patriarch Nikon]. In: Romodanovskaya, E.K. et al. (eds) *Kul'tura, istoriya i literatura Russkogo mira: obshchenatsional'nyy i regional'nyy aspekty* [Culture, History and Literature of the Russian World: National and Regional Aspects]. Barnaul: Altai State University. pp. 335–380.

Информация об авторе:

Зеленская Г.М. – зам. директора по научной работе музея “Новый Иерусалим” (Истра, Россия). E-mail: gali.zelenskaia@yandex.ru

Севастьянова С.К. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия); профессор кафедры социальной антропологии и межкультурных коммуникаций Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия). E-mail: sevask@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.M. Zelenskaia, deputy scientific director, New Jerusalem State Museum of History and Art (Istra, Russian Federation). E-mail: gali.zelenskaia@yandex.ru

S.K. Sevastyanova, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Siberian Institute of Management – Branch of RANEPa (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sevask@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2020;
одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 27.07.2020;
approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 28.02.2022.